

доказать от противного

Лев Саксонов в ЦДХ

ИГОРЬ ЧУВИЛИН

На этой неделе Центральному дому художника исполняется 25 лет. Художнику Льву Саксонову — в три раза больше. Его персональная выставка открылась одной из первых в юбилейной программе ЦДХ.

Раньше свои дни рождения Лев Саксонов часто пропускал: забывал или не считал нужным праздновать. Открывая нынешнюю экспозицию, рассказал, как однажды ночью, пытаясь заснуть на полу в рыбацкой хижине, вспомнил, что в тот день ему стукнуло двадцать пять. Через пятьдесят лет магия круглых дат не миновала и его; необходимость отмерять и отмечать прожитое почему-то заставляет считать 75-й день рождения более важным, чем, например, 74-й. Свои три четверти века художник встретил по юбилейной традиции принимающим поздравления среди картин и графических листов. Однако пренебрежения к «значительным вехам», как и вообще к стратегии публичного поведения, скрыть не сумел. В Третьяковку не рвался, шума не поднимал, удовольствовался демократичными залами ЦДХ. А на выставке вместо того, чтоб предстать перед публикой во всем масштабе ретроспективного показа проверенных временем работ, повесил произведения последних лет — как очередную рабочую экспозицию.

На резонный вопрос «А как же ранние работы?» Саксонов отвечает: «Мне они неинтересны сейчас». Он известный график-иллюстратор — узнаваемый, ни на кого не похожий. Многие ли художники красят пастелью по офорту, пуще того — поверх пастели снова печатают офорт? По словам художника, были напечатаны офорты, потом надоели, но бумажка очень хорошая, выбросить жалко — вот и накрасил поверх. А через год-два — опять переделывать. Проза творческой кухни, никаких муз и крыльев вдохновения. Хотя вся эта подноготная больше впечатляет собратьев Сак-

сонова по цеху, а простому зрителю достаточно того, что в итоге всех этих действий получается.

Наряду с традиционными пейзажами — большая серия «абстрактных». Это когда в картине «Сосны, освещенные солнцем» нельзя угадать ни одной достоверной сосновой веточки — только красиво мерцающие пятна. Кандинский назвал бы их «импрессиями», но у Саксонова они вполне чувственные, человеческие. У него нет ни одной работы с названием, скажем, «Композиция». Эта графика — не прямое, не буквальное, но все-таки иллюстрирование.

Работу над такими картинками Саксонов называет «путешествием». «Счастливые люди — те, кто заранее знает, что должно получиться на рисунке», — говорит художник. Свое же рисование сравнивает с математическим доказательством от противного: «Я двигаюсь от хаоса к гармонии». Он всю жизнь зарабатывал на хлеб иллюстрацией. Издательство было крупное — «Советский писатель», тиражи тоже ничего себе: по 50 тысяч экземпляров. Но, иллюстрируя очередные графоманские опусы автора из какой-нибудь союзной республики, он спрашивал: «Зачем вы это печатаете? Это же не литература». В ответ слышал про разнарядку: пять казахских или пять туркменских авторов должны быть напечатаны в отчетном году. Поэтому Чехова, например, Саксонов иллюстрировал для себя, «в стол», не дождавшись заказа.

На выставке в ЦДХ его графика занимает столько же места, сколько работы маслом. Живопись делится на две части: «Маскарад» — драматичные и наполненные современными аллюзиями сумрачные картинки, а также «Воспоминание о красных домах» — образы из детства, проведенного в двухэтажном кирпичном доме. На словах автор толкует о древнегреческом принципе «человек — мера всех вещей». Но отнюдь не каноны античной красоты его интересуют. Гуманизм Саксонова — это мятушиеся в сером мареве человеческие фигурки, портреты алкоголиков. Доказательство от противного.

Офорт — техника, в которой Лев Саксонов собаку съел (из серии «Выдуманые звери», 1987)

Saksunov Lev

21.04